

ОН — ЗАЯДЛЫЙ болельщик. Любит футбол, хоккей, баскетбол. Не за забитые голы — за особое напряжение, азарт, знакомые по собственной профессии. Но на поле народный артист СССР Армен Джигарханян не выходит. В любом деле предпочитает быть профессионалом, а не дилетантом. Да и своих игровых площадок хватает и в театре, и в кино.

Когда на страницах театрального журнала затеялся спор о вреде актерской сверхзанятости, фамилия Джигарханяна склонялась чаще других. И тогда, и сейчас Армен Джигарханян от ролей, которые предлагают, практически не отказывается. Он жаден на работу и убежден, что каждая роль — ступенька, через которую непременно надо перешагнуть, чтобы подняться дальше.

— Армен Борисович, а как же упреки зрителей за участие в неудачных фильмах?

— А вы можете обвинить мать или отца, если рождается не очень красивый ребенок? Так и здесь — кто может знать заранее? Не встречал еще режиссера, сценариста, актера, которые собрались бы вместе и сказали: давайте, мол, делать плохой фильм. Иногда только к концу картины, когда месяцы потрачены на съемки, экспедиции, понимаешь, что работал впустую. Не бывает так: прочитал роль, посмотрел вправо-влево — и готово. Ты должен влезть в чужую жизнь, существовать в ней. Иногда получается, иногда нет — и прибегаешь к знакомым приемам, работаешь «на сэкономленном горючем». Но когда уверен в сделанном, когда в любую секунду знаешь, как поведет себя этот человек, — выше счастья нет в искусстве. Вот Левинсон в «Разгрома» — про него я знал многое. И про Стенли Коваль-

ского из «Трамвая «Желание», и про Большого Па в «Котке на раскаленной крыше». Про Сократа, правда, этого не решаюсь сказать — да и кому его дано постичь до конца? Но своего Сократа знал, а это очень важно. Все эти роли — из спектаклей Театра имени Вл. Маяковского, вообще сцена

— Значит, надо учиться наблюдать жизнь?

— Наблюдать — не очень верное слово. Надо погружаться в жизнь, влиться в ее поток. Никто ведь не скажет: я умылся, почистил зубы и пошел наблюдать. Мы вместе живем, дышим, а не приходим в гости со

направлен объектив. Как тут быть? Да просто — не фальшивить, не притворяться, быть собой. И не расходовать себя на мелочи. Не беда, если случайные знакомые посчитают тебя плохим рассказчиком или человеком некомпанейским. Уверен, для актера существует особый закон сохранения эмоций: выклады-

что-то новое. Помню, репетировал в театре Сократа и потом снимался в фильме «Когда наступает сентябрь». Вроде бы совершенно разные это были люди — грек Сократ и армянин Левон Погосян. Но внутри меня они переплелись, и одна роль «подтолкнула» к другой.

— Ваши новые работы?

— Снялся в фильме Фрунзе Довлатяна «Одинокая орешина». Съемки шли в Армении, а что для меня значит побывать там — и не объяснить. Уже двадцать лет живу в России, и жена у меня русская, и друзья. Но тяга к родной земле — это, наверное, у каждого в генах заложено. Вот и картинки детства живут в памяти — так и вижу, как на крыльце дома сидит мой дед, хлопает в ладоши, а я, двухлетний, пляшу. Уж и крыльцо того давно нет, и дома, а поди ж ты — помнится... Ну а еще снялся на «Ленфильме» в тринадцатисерийном телефильме режиссера Виктора Титова «Жизнь Климата Самгина» в роли Варравки. И сыграл Повара в телеэкранизации брехтовской «Мамаша Кураж», над которой работает Сергей Колосов.

— Вам исполнилось пятьдесят. Время подводить итоги?

— Пока не хочу. То есть какие-то итоги для себя подводил каждый день, но чтобы окончательную черту... И дело не в страхе перед старостью. Просто еще живу, еще многое хочу сделать, многому удивиться. В нашей профессии, как и в любой, столько неразгаданного — жизни не хватит постичь. Так что работаю сколько могу. Пока не надоело. Знаете, хорошую притчу как-то слышал. Микеланджело привезли огромную скалу, и скульптор сделал из нее Давида. Все вокруг восхищались, один создатель оставался грустным. Его спросили, в чем дело. И услышали в ответ: «Давид есть. Но как мною таил в себе этот камень...»

Беседа велла Т. ИСКАНЦЕВА.

ЗНАКОМЫЕ
ИМЕНА

Армен Джигарханян

дает больше возможностей «сомкнуться» с ролью, чем кино. И все равно в любом случае трудностей — миллион. Сейчас репетирую Нерона в пьесе Э. Радзинского «Театр времен Нерона и Сенеки». И бьюсь со своим же наработанным стереотипом — он мой главный враг. Должна быть история судьбы именно этого человека, а какая она? Пока что-то накапливается, «булькает» внутри, а во что выльется...

— В кино вы играли физиков, летчиков, инженеров, геологов, моряков, поваров, шоферов... Как ладили с таким множеством профессий?

— А профессию играть нельзя, не надо. Нужно постараться стать этим человеком, понять, из каких привычек складывается его поведение. Я заметил интересную вещь: актеры, которые в жизни водят машину, перед камерой, едва сядут за руль, начинают отчаянно наигрывать. Если, предположим, нужно сыграть радость встречи, часто играют ее вообще, забывая, что один человек радуется так, а другой — иначе. Значит, и в жизни мы не умеем видеть то, что есть на самом деле. Довольствуемся приблизительностью и теряем чувство реальности.

своей колбой воздуха. У меня есть друзья из неактерской среды. Ежедневно встречаю новых людей на улице, в магазине, поезде, самолете. Все они мне интересны. Просто равнодушным быть не надо. У меня был замечательный театральный учитель Армен Гулакян. И он говорил: «Как только потеряешь способность удивляться, влюбляться, сердиться, обижаться по-настоящему, — ты не актер».

— Встречи со зрителями тоже тут помогают?

— Честно говоря, этих мероприятий стараюсь избегать. Не очень понимаю их смысл — все, что могу сказать зрителям, говорю в ролях. И потом, до сих пор помню, как мальчишкой впервые попал в цирк. Все было очень здорово, но после представления меня повели за кулисы. И... такое разочарование! Все-таки искусство строится на некоем таинстве, и разрушать его не стоит. Поймите, я не за обособленность профессии, не за шалевый воротник или тросточку в руках. Но и амикошество, нездоровое любопытство, тоже ни к чему. Самое трудное в нашей профессии — не быть мельче того, что делается на сцене, на экране. А ведь иногда актер и в жизни чувствует себя так, будто на него все время

ваться полностью, до самого доньшка ты должен на сцене и на экране. Наверное, потому все больше убеждаюсь с годами в необходимости отдыха в одиночку. Отпуск провожу обычно где придется. Очень люблю горы, нравится средняя полоса России. Минувшим летом был в Литве, влюбился в этот край, народ. Но на отдыхе стараюсь обойтись без шумных компаний, ненужных разговоров об искусстве. Я и дом свой люблю за покой: прихожу — и «отмокаю» от суеты.

— В вашем роду актеров не было. А дальше как складывается?

— Сын занимается журналистикой, дочь — медициной. Пока так.

— Бывает, что сыгранные роли меняют ваш характер, привычки?

— Это такое непростое дело! Бывает, роль опустошит тебя, бывает, открывает в тебе самом